

18+

Иезуиты И КИНО

Ольга Сквирская

Ольга Евгеньевна Сквирская

Иезуиты и кино

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64037766

ISBN 9785005327338

Аннотация

Словом «иезуиты» в России ругаются, а зря. Монахи и священники из ордена иезуитов основали в Сибири католическую киностудию «Кана». Не только в фильмах «Каны» много чудесного, трогательного и смешного, но и сама история киностудии весьма показательна. Люди как люди, иезуиты как иезуиты. Книга основана на документальных событиях, хотя все образы собирательные, а имена изменены. Организация "Meta Inc." запрещена на территории РФ.

Содержание

Предисловие	5
Барби в инвалидной коляске	7
Визитная карточка	26
Догадливый управляющий	30
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Иезуиты и кино

**Ольга Евгеньевна
Сквирская**

© Ольга Евгеньевна Сквирская, 2021

ISBN 978-5-0053-2733-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Проработав полжизни в киностудии, да еще под таким мистическим названием «Кана», я поняла, что ничего не понимаю ни в кино, ни в жизни.

В галилейском городе под названием Кана, в честь которого была освящена наша сибирская католическая киностудия, Иисус Христос совершил первое чудо.

А в нашей, сибирской, «Кане» все идет как-то адски неправильно, несмотря на покровительство Самой Богородицы.

– Просто не надо думать, что жизнь – это кино, – сказала моя подруга Соня. – Жизнь – это сериал.

– Как это? Что это значит?

– Ну, в кинофильме почти всегда есть «хэппи энд». А в сериале концы с концами не сходятся. Кто-то просто выбывает – и все. Добро не обязано победить зло. Это просто процесс, без результата. Если ты это примешь, то перестанешь ожидать логики, – живешь себе и живешь.

И все-таки логика есть.

Я это поняла, сидя на берегу Сиамского залива. Азиаты говорят так:

– Если долго-долго сидеть на берегу реки, то рано или поздно мимо проплывет труп твоего врага.

Опыт показывает, что так и есть.

Добро все-таки торжествует. Вот только Божьи мельницы, увы, мелят медленно. Ну о-очень медленно...

Барби в инвалидной коляске

Имена изменены, все образы собирательные

«...На вопрос, хватает ли пособия на жизнь, Наташа отвечает с беззаботной улыбкой: нет, конечно! Зато, если деньги появляются, Наташа сразу же покупает косметики и зарубежных журналов».

«Семь дней в Новосибирске», 1998

Красивей лица я не видела – один в один Николь Кидман, только круче. Удлиненный овал, прямой носик, глаза-смо-родины и длинные обесцвеченные прямые пряди. В общем, черноглазая блондинка, мечта настоящего мужчины.

Только один нюанс: она передвигалась в инвалидной коляске. У взрослой двадцатитрехлетней девушки конечности были недоразвитые, как у годовалого ребенка. Маленькие ножки оставались всегда согнутыми в коленях, и она на них ползала. А на ручках не хватало пальчиков – на одной было три, на другой, кажется, два.

Но удивляло другое: она не извинялась за то, что живет, как это бывает с инвалидами. Она жила, что называется, полноценной жизнью. Пользовалась косметикой. Влюблялась. Тусовалась в интернете. Наряжалась. Делала маникюр. Мечтала. Кокетничала. Дружила. Рисовала. Разводила фиалки.

Путешествовала. И все у нее получалось.

«...В любое время суток Наташа тщательно накрашена и нарядно одета... Оказывается, и пары пальчиков достаточно, чтобы шикарно выглядеть. Пусть их не пять на руке – зато те всегда при маникюре, в колечках.

Наташина слабость – хорошая косметика. От махровой туши Наташины глаза, и без того яркие, карие, становятся еще выразительнее... А еще Наташа обожает пирсинг: на мочке одного уха у нее четыре дырочки, другого – две, а еще блестящая сережка в носу! Кинозвезда, да и только! Между прочим, про Наташу и в самом деле иностранцы снимают фильм. Подобных ей в мире мало».

«Семь дней в Новосибирске», 1998

...Меня привел к ней мой друг по имени брат Дамиан.

Его необходимо особо представить, он стоит того. Это молодой польский монах-иезуит, который возглавлял в то время российскую католическую киностудию, – я там подрабатывала. Парень настолько же талантливый, насколько обязательный – может, чуть больше, чем подобает монаху. Пожурналистски любознательный и по-человечески общительный, он перезнакомился со всей молодежью Новосибирска.

Так вот, я давно слышала от него о какой-то уникальной девушке-инвалидке, которую все любят. Одна подруга, уезжая из Томска за границу, оставила ей свою однокомнатную квартиру, и помещение тут же стало чем-то вроде молодеж-

ного клуба. Туда мы и заявили с Дамианом.

– А вот и Наташа! – представил он мне.

Я не сразу сообразила, что надо посмотреть вниз. Ко мне ползла девушка.

Она была настолько яркой, улыбочивой, нарядной – с сережкой-гвоздиком в носу, с малиновыми ногтями и в серебряных колечках, что я даже не успела испытать к ней чувство жалости. Она держалась, как царица, хотя ползала, как лягушка. В общем, царица-лягушка. Наш красавчик Дамиан с большим удовольствием шутил и едва ли не флиртовал с ней, а Наташа лукаво строила ему глазки снизу вверх и бойко парировала. И в этом была настоящая игра мужского и женского начал, несмотря на то что сладкая парочка – инвалидка и монах. Со стороны это выглядело очень весело, потому что не выходило за рамки дозволенного.

Квартирка была буквально забита цветочными горшками, и растения находились в отличном состоянии. Наташа сама ухаживала за ними, ее навыков на это хватало.

По стенам были развешаны Наташины рисунки. Вкус у нее, конечно, поповский: мужские торсы из боевиков, длинноногие модели, Бэтман. Но живенько так.

«...С красивой девушкой хотят завязать знакомство мужчины со всего мира.

– Эх, хорошо нашей Наташке: у нее мужиков полон Интернет! – весело завидуют подруги.

– Ах, оставьте, — томно отвечает Наташа. – Мне

ничего не надо: только замуж и сниматься в кино!»
«Семь дней в Новосибирске», 1998

Наташа никогда не бывала одна, всегда при постоянной куче гостей.

Гости делились на две группы: одни навещали Наташу, приносили продукты, помогали с уборкой квартиры, выносили Наташу погулять.

Другие приходили, лезли в холодильник, поедали его содержимое, пили и курили, устраивали беспорядок и норовили остаться переночевать.

– А ну-ка, тормози! Сегодня что – опять бесплатный день для молодежи? – грозно вопрошала Маша, из первой группы.

Малолетние парнишки с мутными глазами трусливо разбегались.

– Ну что за бардак они здесь устроили! – выговаривала Маша Наташе. – Ты что, им сказать не можешь?!

Наташа молчала. Она не могла ничего сказать ни им, ни Маше. Она боялась, что они никогда больше не придут... Она не могла без людей.

– ...Скоро День инвалида, надо бы статью, – объявила Валентина.

И без особой надежды спросила:

– Может, кто-нибудь знает какого-то подходящего инва-

лида?

– У меня есть на примете шикарный инвалид, то есть инвалидка – настоящая Барби в инвалидной коляске!

Вся редакция изумленно воззрилась на меня.

– Где взяла?! Кто такая?

– Давай свою Барби к четвергу, – распорядилась Валентина. – И скажи Андрею, чтобы зашел по адресу и сфотографировал.

...Наташа сразу согласилась на публикацию в газете.

Она охотно поведала мне о своих делах, проблемах и мечтах. Например, о том, как много раз пыталась устроиться на работу.

Самое реальное для нее – это работа телефонного диспетчера: отвечать на звонки и собирать информацию. Но всякий раз все повторялось по одному и тому же сценарию: ей устраивали «испытательный срок», забирали собранную информацию, после чего объявляли, что она не прошла испытания, и исчезали, не заплатив. Поэтому Наташа жила только на инвалидное пособие да на приношения друзей.

Ее главная проблема – это полная зависимость от других. Наташа не может сама ни выйти в магазин, ни погулять.

– Меня бесит, что нигде нет пандусов. Вот за границей, говорят, везде есть специальные дорожки для колясок, и любой инвалид везде может самостоятельно справиться. Я хочу уехать, я не могу здесь жить.

Наташа представляет это так: на ней женится какой-нибудь прекрасный заморский принц и увезет ее в неведомую страну. Сказка! Однако мы живем в реальном мире...

Но девушка упорно пытается сделать эту сказку былью при помощи интернета: в разные виртуальные брачные конторы рассылает свои фотографии. Красотке из Сибири написали многие, и теперь Наташа практикует свой английский, отвечая претендентам на ее руку.

«...У Наташи по Интернету то и дело возникают романы – с настоящим объяснением в любви и сценами ревности.

– Я попыталась распечатать одно из писем моего приятеля из Америки, так у меня вышло семь листов! Он мне писал буквально обо всем. А потом влюбился в другую девушку и совсем перестал мне писать.

Наташа уверена, что через Интернет можно запросто устроить личную жизнь».

«Семь дней в Новосибирске», 1998

А еще Наташа сказала также, что верит в Бога, что молится и знает, что Бог ее любит и дает ей все, о чем она его ни попросит.

«...На шее у Наташи крестик. Ее отношения с Богом достаточно просты и ясны.

– Он такой же человек, как и мы. С Ним можно разговаривать, и Он все понимает. Конечно, Он может гораздо больше, чем обыкновенный человек. Но ведь и человек может много. Да-да! Я это знаю точно:

*я хотела вырваться из той среды – и вырвалась!
Мечтала о компьютере – и получила его! Бог дает
мне все, о чем я Его попрошу. Теперь я хочу уехать
из России – и Он мне в этом поможет».*

«Семь дней в Новосибирске», 1998

Но о чем Наташа наотрез отказалась говорить, так это о своем прошлом.

Я знала от Дамиана, что Наташа раньше жила в поселке Кыштым, в семье алкоголиков. Говорят, если бы сразу взяли за лечение Наташи, ее дефекты можно было бы исправить. Но родители не взялись. Наташа так и ползала в деревенском дворе, пока не выросла и не стала получать пособие. Вначале семейка даже не отдавала его Наташе и дружно пропивала, пока не вмешались новые знакомые из какой-то протестантской церкви и не защитили ее.

Зато теперь Наташа живет как нормальный человек и во все не хочет, чтобы ее жалели.

– Ну пожалуйста, Леля, не пишите в газете о том, что у меня родители пьют!

И я не стала. То есть я упомянула, что Наташа вырвалась из таких условий, о которых теперь не хочет даже вспоминать, и на том все. Жаль материала, но пусть так.

– ...Дамиан, а ко мне вчера фотограф приходил! – похвасталась Наташа.

Дамиан чуть не заплакал. Будучи студентом Высших курсов режиссеров и сценаристов, он в качестве героя для курсового неигрового фильма выбрал Наташу. Ему она очень нравилась, но как снимать? Много ли взять с инвалида? Ну, сидит, ну, говорит... Ничего не происходит. А тут – фотограф пришел! Такое событие!

– Леля, почему ты мне не сказала! Мне это так нужно было!

– Откуда я знала?.. А в чем проблема: давай попросим Андрея еще раз прийти. Поставишь ему бутылку.

– За этим дело не станет! – обрадовался Дамиан.

И в ближайшее воскресенье Андрей пришел – вместе с женой, прямо с базара, с покупками. Пленку он решил больше не тратить, шелкал вхолостую, но Дамиану и этого хватило. На свою кинокамеру он наснимал себе и крупных, и средних планов. А жена в это время из кухни наблюдала за Наташиной «фотосессией» и жалостно качала головой.

Дамиан был счастлив. У него в голове уже крутилась какая-то идея.

...Собственно, вначале Дамиан хотел сделать фильм «Саша, Маша и Наташа» – про трех подружек.

Он придумал сопоставить их образы по принципу контраста. Деятельная Наташа, несмотря на свою ущербность, полная оптимизма и надежды. Депрессивная Саша, имеющая руки и ноги, может, даже слишком длинные. Наконец, блон-

динка Маша без царя в голове, которая не знает, чего хочет, и болтается в жизни, как цветок в проруби.

Дамиан отснял кучу синхронов со всеми тремя девушками, отвез в Москву своему учителю – а им был ни больше ни меньше, чем известный документалист Леонид Гуревич, – и тот сказал ему следующее:

– Зачем тебе эти Маша с Сашей, когда у тебя есть такая Наташа? Вот про нее и делай свой фильм.

– Да, легко сказать, но что снимать?

– Придумай!

– ...Мне Сам Господь делает такие подарки – только успевай камеру включай! – говорил Дамиан. – Прихожу в гости, а Наташа показывает мне свой новый рисунок...

И Дамиан нажал на кнопку видеомagniтофона. Вижу картинку: Наташина голова, обработанная в Фотошопе, лежит на плече у парня с преувеличенными мускулами!

Да, Наташа мечтала выйти замуж, может быть, даже больше других девушек.

– А вот интервью, которое мы записали. Я кое-как уговорил ее краситься прямо перед камерой.

Наташа на пленке делает себе макияж своими тремя пальчиками и одновременно отвечает на вопросы. Ответы довольно откровенные:

– Мне уже двадцать лет, и я хочу родить ребенка. Ребе-

нок – это счастье, это твое продолжение, без ребенка никак нельзя.

Странное впечатление производили эти съемки. Наташа говорила очень убежденно, даже снисходительно, но при этом еще только начала наводить красоту, поэтому выглядела блекло и болезненно.

Уж очень сильным было противоречие между прямо высказанными желаниями и реальным состоянием вещей. Наташу было смертельно жаль, хотя она не давила на гниль и даже себя чувствовала вполне уверенно. Но смотреть на это становилось только тяжелее.

Не такой ли зрительской реакции добивался хитрый Дамиан?

...После показа на фестивале первый же вопрос, который задали Дамиану, коснулся этого эпизода. Конечно, его задавала девушка.

– Ваша героиня видела ваш фильм?

– Конечно!

– И она согласилась на то, что все увидят, как она красится?

– Я ее уговорил.

– А ей самой этот эпизод понравился?

– Нет.

– Почему?

– Потому что она хочет быть красивой.

– А вы?

– А у меня другие задачи.

Вот такой был наш Дамиан. Сам себе режиссер.

...Когда Дамиан сидел в гостях у Наташи, позвонил Алексей, с которым Наташа давно дружит.

– А у меня новая игрушка! – похвасталась Наташа. – Это котенок, он прыгает и везде лазит.

Имелся в виду компьютерный котенок. Наташа любила такие штуки. А Алексей, кажется, любил Наташу.

Дамиан тут же сочинил новый эпизод: Наташа в гостях у Алексея. Ее ведь иногда возили к Алексею, на Черемошники, где они с Алексеем общались.

Наташа предварительно договорилась с Алексеем, что она посетит его вместе с одним польским другом. Алексей удивился, но согласился.

Дамиан последовательно снял, как Наташу сажают в такси, как такси подъезжает к девятиэтажке Алексея.

Однако Алексей запретил себя снимать. Это был облом.

Правда, Дамиан все равно снимал: он сначала показал свою новую камеру Алексею, продемонстрировал, как она работает, потом якобы крутил ее в руках, а сам время от времени незаметно включал. Несколько кадров получилось.

И на одном из них был этот Алексей, полный мужчина в возрасте, тоже в инвалидной коляске.

Время от времени Алексей по ту сторону провода устраивал Наташе сцены, и она манерно отругивалась, в стиле блондинок из реалити-шоу «Дом-2»:

– Алексей, нам нужно разобраться в наших отношениях... В таком тоне я не позволю с собой разговаривать! Все, хватит!.. Хватит, я сказала! – и бросала трубку.

Не без удовольствия – все-таки у нее тоже есть бурная личная жизнь!

Конечно, Дамиан тут как тут крутился со своей камерой. Вот и еще один выразительный эпизод.

Как-то раз к Наташе зашла Маша с новым приятелем, по виду законченным наркоманом. Дамиан снял, как эти двое хохочут на кухне, поедая морковный салат, болтая глупости, а грустная Наташа сидит одна в комнате за компьютером и ковыряется в Фотошопе.

Дамиан чуть не ахнул, когда увидел результат ее манипуляций: свое лицо она совместила с фотографией... католической монахини!

Был у нее и такой период.

...Новый эпизод. Троица сидит в кафе. Взлохмаченный парень поедает пиццу и с набитым ртом продолжает треп, Машка подхихикивает. Наташа же, сильно откинувшись назад, смотрит в черное небо. Одиночество...

– Ты что, специально попросил ее так сесть?

– А вот и нет! Это еще один подарок мне, – похвастался Дамиан.

– ...Я хочу, чтобы она в интервью рассказала о своем детстве, – поделился со мной Дамиан.

– Не расскажет! Мне она ничего не рассказала, – предположила я.

– Тебе не рассказала, а мне расскажет. Вот увидишь, – пообещал Дамиан.

Он нравился Наташе и знал это.

Наташа жалела, что он монах, который принес обет безбрачия, и часто говорила с ним на эту тему. Для этих двоих вообще не существовало закрытых тем. Но захочет ли Наташа говорить о своем прошлом?

– Она согласилась! – радовался Дамиан. – Правда, мы договорились, что я не буду снимать ее лица, но я что-нибудь придумаю...

В первый раз никакого синхрона совсем не получилось.

Наташа плакала, говорила невнятно, многих слов не было слышно – куча нервов и в результате операторский брак. Дамиан тоже расстроился, но потом придумал такую вещь: списал все Наташины слова на бумажку и попросил ее просто прочитать текст, безо всякого выражения.

Это как же надо было Наташе любить его, чтобы согласиться на такое!

– Ну а как решишь зрительный ряд? – поинтересовалась я.

– Я уже все обдумал: я буду снимать асфальт сквозь колесо движущейся инвалидной коляски.

– А как ты это сделаешь?

– Сяду в нее – да и все!

...На такие шутки Дамиан был мастер.

Именно так он из Москвы доставил Наташе новую усовершенствованную инвалидную коляску, подарок зарубежных спонсоров. Прикинувшись больным, он въехал на ней в аэропорт. Так с него не только не взяли денег за транспортировку, но к концу полета еще и вызвали скорую помощь, которая довезла его до дома, словно такси!

...Из съемок он устроил целое шоу. Толпа гуляющей молодежи забрела на базар, Наташу усадили на фруктовый прилавок рядом с яблочной пирамидой, а Дамиана, в ее инвалидной коляске, в это время возили туда-сюда по базару. Сидя тот командовал парадом и снимал свое колесо.

Когда закончил и поднялся на ноги, у двух восточных торговцев чуть глаза на лоб не вылезли: человек вдруг встает из инвалидной коляски – это либо чудо, либо мошенничество! Те не знали, как реагировать...

А я до сих пор жалею, что с нами не было лишней камеры,

чтобы все это шоу увековечить.

...Вышло очень хорошо. Наташин монотонный голос, под скрип коляски, как нельзя лучше оттенял страшные вещи, которые она произносила, а бесконечный серый фон асфальта делал эпизод не просто трагичным, а каким-то безысходным.

Был еще один щемящий эпизод. Дамиан снял, как Наташа выползает на лестничную клетку покурить. Он спустился на пролет вниз и избрал ракурс снизу. Вроде бы обычное дело, но при скудном освещении сцена выглядит жутко и тоскливо.

Как-то раз Дамиан, придя к Наташе, застал их с Машей за необычным занятием: они заполняли анкеты на выезд за границу. Дело в том, что Маша раздобыла приглашения на Рождественские встречи христианской общины в Варшаве.

– Маша, возьми меня с собой, – попросила Наташа.

Она имела право на бесплатный проезд в поезде с одним сопровождающим.

– Если еще кто-нибудь с нами поедет, то возьму, – пообещала Маша.

И вот дело дошло до оформления документов.

Дамиан радостно включает камеру.

– Цвет волос? – задает вопрос Маша.

– У меня их два, – смеется Наташа.

Действительно, два: родной русый, при корнях, и крашеный белый.

– Секс? – спрашивает Маша.

– Не понимаю, – наигранно возмущается Наташа.

– Наташка, не прикидывайся дурочкой!

– Но я и правда не понимаю! – и Наташа лукаво поворачивается к камере (на самом деле к Дамиану).

– Секс – то есть пол. Пол какой у тебя – пиши!

– Гос-споди, – улыбается Наташа.

И так далее. Медленно и аккуратно движется по бумаге маленькая трехпалая рука в серебряных кольцах.

Заключительный эпизод Дамиан снимает теплым летним вечером у светомузыкального фонтана около театра.

Здесь сегодня полгорода. На всю площадь мурлычет о любви Таня Буланова, разноцветные огни ритмично отражаются на лицах танцующих. А вот и знакомая парочка – Маша с Наташей в инвалидной коляске. Наташа в яркой маечке, с распущенной по плечам гривой, тщательно накрашенная. Она выглядит классно, но ей немного грустно: столько беспечных девчонок в мини весело танцуют у фонтана и не понимают своего счастья иметь ноги. И Наташе опять одиноко среди этого шумного бала.

Как вдруг к ней наклоняется и присаживается на корточках какой-то светловолосый загорелый парень с бутылкой пива в руке. Что-то спрашивает – не слышно что. В глазах жалость. Но Наташа этого не замечает. Она мигом преобразается: у нее снова вид королевы, она кокетливо улыбается парню и снисходительно отвечает. Жизнь налаживается.

Так Дамиан закончил свой фильм. Этот подвыпивший парень решил ему проблему финала.

...А дальше было совсем как в сказке.

Наташа, Маша и Саша действительно отправились за границу в Польшу.

Там все познакомились с одним парнем, по имени Дамьен, – французский Дамиан, как они его прозвали. Через некоторое время Дамьен приехал в Россию, сделал Наташе предложение руки и сердца и увез ее в Париж. Он оказался настоящим христианином и принял решение посвятить свою жизнь больному человеку. В общем, прекрасный принц таки нашелся!

...Новобрачные обвенчались в католической церкви. На венчание они послали приглашения всем друзьям, в том числе и Алексею, но тот не успел оформить документы в срок, к тому же неважно себя чувствовал.

Наташа стала писать друзьям письма примерно такого содержания:

«Вот, после обеда идем покупать пальму, так неохота, все надоело» и т. д.

Наташа скучала по России.

...Совершенно случайно я встретила Наташу в провинциальном сибирском городке, спустя много лет.

Сначала даже не узнала.

Знакомый парень вез в инвалидной коляске девушку в джинсовой курточке, и я не сразу сообразила, что это та самая Наташа.

Как она изменилась! Теперь у нее очень загорелое лицо, а длинные волосы выкрашены в каштановый цвет. Но самое главное, изменилась манера поведения. Исчезло кокетство, поповые интонации, с приветом от блондинок из русских мыльных сериалов. Передо мной сидела спокойная западная женщина, до такой степени уверенная в себе и обеспеченная, что ей не было никакой необходимости кому-то что-то доказывать.

– Леля, я так рада вас видеть! Вот, приехала в гости на месяц. А как Дамиан? – ее лицо немного затуманилось. – Он вам часто пишет?

– Не очень, – призналась я.

Дамиан уехал из России на новое служение.

– Мне тоже не очень, – грустно сказала Наташа. – Передавайте ему привет, если будет возможность! У меня все хо-

рошо.

...А через год, говорят, Наташа во Франции родила ребенка, и совершенно здорового! У нее и правда все хорошо.

И это не сказка.

Визитная карточка

– Паша, мы уже весь Видеожурнал собрали, когда обложку доделаешь?

– Да вот, думаю, что поставить на пустое место, рядом с названием.

– Да поставь хоть черт знает что, хоть крест какой, лишь бы поскорее!

Диалог на католической киностудии «Кана»

Брат Дамиан заказал компьютерщику Паше визитку. Директору католической киностудии, пусть она и в Сибири, нельзя без визитной карточки.

Паша – молодой, длиннохвостый, флегматичный. Обычно он неподвижно, как изваяние, сидит за Макинтошем. Время от времени встает, чтобы перекурить в коридоре.

Сроков выполнения для него вовсе не существует.

– Паша, сколько времени тебе нужно? – спрашивает Дамиан.

– Фиг его знает, – иронично вскидывает глаза Паша.

Он ведь не просто так отсиживает время, он работает над стилем. А стиль – дело тонкое, – для тех, кто понимает. И стиль не терпит суеты.

В общем, ускорить Пашу невозможно никакими силами. Зато на киностудии настоящий праздник, когда у Паши хоть что-нибудь готово.

Так, в один прекрасный день Паша шулерским жестом веером разложил перед Дамианом семь разных визиток:

– Выбирай!

Семь визиток, и каждая в своем стиле, в своем цвете. Каждая воплощает отдельную творческую идею. Глаза разбегаются. Шрифты, заливки, обводки, тени, оттенки...

Одна общая проблема: невозможно прочитать, что там написано.

Особенно всех поразила коричневая визитка. Представьте себе: на коричневом фоне (Боже, какой деликатный цвет!!!) темно-коричневыми буквами с еще более темной коричневой обводкой какими-то китайскими иероглифами написано «бр. Дамиан Войчехо...»! Чего?!

– Это шифровка – чтоб враги Церкви не догадались, – предположил Шурик.

– Ой, не могу! – брат Дамиан схватился за живот. – А это что, номер телефона?! Это какая цифра? Ой, умру! Паша, я это сохраню на память!

Паша оглядел Дамиана и нас всех с сожалением человека, который только что разметал бисер перед свиньями.

На шум подошел другой иезуит, брат Джорджо, в прошлом сантехник, завхоз, ныне формальный директор студии.

Заглянув Дамиану через плечо, неодобрительно скривился на все эти стилевые изыски, затем презрительно покосился на Пашу, – и молча удалился. Брат Джорджо никогда

не смеется: у него нет такого места в голове, которым смеются.

На киностудии «Кана» настали тяжелые времена.

Брата Дамиана отправили учиться в Москву на режиссерские курсы, и директор Джорджо из формального стал фактическим.

Теперь он не только меняет лампочки и навинчивает дверные ручки, но и занимается художественной частью.

– ...Передачу о Боге тоже нужно делать интересно! – горячится Маша на студийном худсовете.

– Не «интересно», а религиозно, – поправляет ее брат Джорджо.

– Но ведь Евангелие – это же так интересно!

– Че там интересного, – буркнул Джорджо и навсегда прекратил дискуссии в студии.

Но первое, с чего он начал, – это с визитки.

Вот он четким шагом подходит к Пашиному столу и сует перед его носом карточку:

– Вот как надо. Вот это карточка!

Мы подходим со всех сторон и разглядываем визитку. Действительно, черным по белому. Шрифт – как в букваре. Даже логотип «Каны» в углу – кувшин под крестом.

– Вот! Все видно: вот телефон, вот мое имя, вот – что я директор! – торжествует Джорджо. – У меня в Польше брат

в типографии работает, я ему передал текст, а он мне прислал готовые визитки.

– Ой, что это? – вдруг пугается Маша. – Смотрите: тут вместо «католическая телестудия» написано «камолическая мелесмубия»!!! Как это они так? И имя Ежи написано через «ы» – Ежы... Ой!

Ежи – это официальное польское имя брата Джорджо.

– Джорджо, наверное, ты письменными буквами отправил текст, да? – догадываемся мы. – Они там, видно, спутали «т» с «м» и «б» с «д»!

Брат Джорджо долго крутит визитку, обдумывает, потом заявляет:

– Ну и что, что буквы неправильные. Зато все видно. Все равно хорошая визитка, – и с достоинством выходит.

– Джорджо, подожди! – догоняю я. – Подари мне одну визитку, а?

Вечером демонстрирую эту визитку отцу Войцеху в церкви. Тот злорадно ухмыляется:

– Поди, целый ящик заказал!

Сам-то Войцех скоренько унес ноги из студии, как только узнал, что Джорджо станет директором.

– Это будет не студия, а неизвестно что, – сказал он.

Теперь известно, что: «камолическая мелесмубия».

– Как вы яхту назовете, так она и поплывет, – сказал тогда

Шурик.

Как раз его брат Джорджо и выгнал первым.

Догадливый управляющий

Все совпадения имен и названий – чистая случайность.

Когда он позвонил мне в редакцию газеты, меня поразил его тонкий, почти детский голос:

– Алло, это Георгий П. из Церковного радиовещания. Мне нравятся ваши статьи, и я хочу предложить вам работу. Мне кажется, так может писать только верующий человек. Вы ведь христианка?

– Католичка.

– Это ничего, я сам баптист, у нас как раз межконфессиональное радио. Запишите телефончик...

В середине девяностых газета «Семь дней» успешно претендовала на роль путеводителя по культурной жизни Новосибирска, и будучи музыкальным журналистом, я частенько писала о концертах духовной музыки.

Примерно в этот период я открыла для себя христианство, и, как все неофиты, при любой возможности бросалась на амбразуру проповедовать. Это потом умные люди посоветовали мне «убирать своего Господа Бога в подтекст», а тогда я запросто могла написать черным по белому: «...и Святой Дух парил под куполом...»

Оказалось, кого-то это даже порадовало, а именно тонкоголосого баптиста.

Звонить ему я не стала: мне показалось, что «церковному вещателю» не подобает иметь такой голос, даже если он баптист.

...Встретились мы через несколько лет.

Меня как раз уволили с работы – в тот период это была уже не газета, а католическая киностудия. (Забегая вперед, могу сказать, что меня оттуда увольняли неоднократно, но это оказалось впервые, и оттого особенно обидно). Вот тут-то я на безрыбье и вспомнила о предложении с межконфессионального радио.

Обладатель детского голоса оказался пожилым человеком со стертой бесполой внешностью. Круглая небольшая голова была плешивой. Небольшие серые глазки прятались за очками без оправы, стекла которых постоянно отсвечивали, делая его еще более безликим. Классический персонаж Достоевского или Чехова.

Но самой поразительной деталью внешности была фигура – высокий рост, прекрасные пропорции, широкие плечи и – самое невероятное! – осанка. Прямо гусарская выправка!

Образ неумолимо распадался на три составляющих, никак не связанных друг с другом: детский голос, невыразительное бесполое лицо – и великолепная фигура. Так кто же

вы на самом деле, загадочный Георгий?

Несмотря на былое любезное приглашение на работу, баптист подверг меня жесточайшему допросу: почему я ищу работу, чем я занималась, как я пришла в церковь. Мне пришлось все честно и подробно рассказать.

То ли я завоевала доверие, то ли этот Георгий оказался добрым человеком, однако его глазки за стеклами светились неподдельным сочувствием по ходу того, как я рассказывала мою невеселую историю.

– Да уж... – только и произнес он. – А давай помолимся за тебя! – вдруг с места в карьер предложил он.

– Как?.. Прямо так? – растерялась я. – Мы же не в церкви...

– Ну и что! Вот возьмем и помолимся, – и не меняя позы, разве что опустив глаза, произнес: – Господи, мы просим тебя...

...Мы сидели за обычным столом, и он своим детским голосом обращался к Самому Богу. И, что удивительно, мне становилось все легче...

– Как это у вас, баптистов, просто, – высказала я ему за чаем.

– Это действительно просто, – пожал он плечами. – Все испытания даются нам во благо.

– Да ну! – меня никак не устраивала такая точка зрения: я не любитель «испытаний».

– Ну конечно, – убежденно проговорил Георгий. – Вот, например, мою радиостудию недавно ограбили: ввалились чет-

веро подростков, связали меня, избили и вынесли все компьютеры.

– Ужас! И что тут хорошего?

– Слушай дальше: пока они собирали в сумки аппаратуру, я проповедовал им: Господь, говорю, все видит, он воздаст вам, покайтесь, пока не поздно, Он вас, говорю, любит. Один пнул меня, дескать, заткнись, но я за свое. А через месяц их поймали. И на суде говорю я ему: так кто из нас оказался прав? Тот голову опустил.

– А компьютеры-то вернули?

– Нет, конечно: они их уже успели продать. Но я все равно их простил, тем более мать одного из них так меня просила... А компьютеры наши спонсоры уже нам купили совсем новые, мощные. Так-то!

Лишнего рабочего места у Георгия не было, однако дело для меня нашлось: собирать по Новосибирску религиозные новости. Самым простым для меня оказалось освещать жизнь католиков, кроме того, полезно было познакомиться и с другими христианскими общинами.

Я побывала на сеансе исцеления у каких-то новомодных протестантов на Сибирской ярмарке: под оглушительную музыку «группы прославления» по команде верующие «избавлялись от рака, СПИДа и туберкулеза» и тут же выходили на сцену под бурные аплодисменты.

Сходила на собрание одной странной церкви – там разыскивают евреев, чтобы переправить их на Святую Землю.

Не вздумайте, говорят, обращать евреев – ваша миссия не в этом: вы должны лишь пожертвовать средства, чтобы помочь им достичь Земли Обетованной. Да, сколько странных христиан на свете...

А кто нынче хорош, зато деньги Георгий платил мне исправно и с видимым удовольствием.

Кстати, я со смехом обнаружила, что московские «собратья по вере» регулярно воруют мои новости, публикуя их в столичных католических изданиях.

Помимо Георгия, в Церковном вещании работали одни девушки. Как на подбор, все красивые, веселые, креативные и, что немаловажно, из разных христианских церквей. И передачи у них были такие же: интересные, музыкальные, позитивные, динамичные, разнообразные, на любой вкус и возраст.

Лена делала смешную передачу для детей «Маленькая Овечка» – та все время по легкомыслию попадала в какие-то передраги, но с помощью Доброго Пастыря выходила невредимой.

У Ани была собственная авторская передача – она с легкостью могла раскрыть любую тему из жизни женщины, мастерски меняя голоса, создавая целые спектакли и изобретая сюжетную интригу на пустом, казалось бы, месте. Недаром Аня пришла с профессионального радио, – это был готовый

талантливый специалист.

Пышноволосяя жгучая красotka с библейской внешностью по имени Дора, не будучи профессионалом в журналистике, имела свое неоценимое качество: никто лучше ее не брал на улице блиц-интервью у прохожих.

Вот компания какая!

Для музыкальных передач многие церковные группы прославления с удовольствием отдавали на радио свои записи христианских песен, и у Георгия уже скопилась целая коллекция.

Несмотря на то, что Церковное вещание «вещало» где-то на частотной периферии, в Новосибирске у него появилось много фанов.

На радиостудии – а это была обычная трехкомнатная «хрущоба», в которой сам Георгий и проживал, ночуя на диванчике, – можно было встретить кого угодно: бородатых православных старост, иудеев, староверов, мусульман, не говоря уж о протестантах и пасторах разных видов. По всей студии висели сакральные подарки от гостей – иконы, свечи из Иерусалима, четки – прямо торжество экуменизма. Георгий был очень доволен, когда я подарила ему католический Розарий, даже попросил объяснить, как по нему молиться.

И вообще он был довольно продвинутым верующим: баптист без фанатизма, что называется, он с глубоким уважением относился к любой религии, за исключением сект, конечно.

Девчонки по очереди готовили нехитрые, но сытные обеды, на которые приглашали всех присутствующих. Все рассаживались вокруг крохотного столика в небольшой кухне – в тесноте, да не в обиде – и непринужденно беседовали.

Были и запретные темы: стоило новичку поинтересоваться, чем отличается та конфессия от другой, типа «а есть у этих причастие? а вот у нас есть! а есть у них...» – как все девицы наперебой принимались совать ему булочки или конфетки, хором крича: «Ты ешь, ешь!» – пока тот не отступался от своей острой темы.

Со временем я поняла, что у Георгия господствует неписанный закон: говорить только о том, что у всех нас общее, и умалчивать, не дискутировать об отличиях, – только так можно сохранить «экуменический» мир в отдельно взятой радиостудии.

На моих глазах проект межконфессионального Церковного вещания становился все более успешным. Георгий уже больше не планировал заняться коммерческой рекламой, дабы прокормиться: заокеанские спонсоры с готовностью шли на увеличение содержания и на расширение студии. Георгий отправился в командировку по Сибири и Дальнему Востоку – искать корреспондентов для новостной работы и соратников по созданию сети экуменического радио. Я дала ему адреса и явки красноярских католиков, которые занимались похожим служением, и эти координатыгодились.

Однажды Георгий пригласил меня на производственное

собрание. Большая комната была набита незнакомыми женщинами в одинаковых газовых косыночках. Оказалось, Георгий бросил клич в своей церкви – кто хочет заниматься «радиослужением»? – и часть прихожан, вернее, прихожанок откликнулось.

Собрание баптисток произвело на меня удручающее впечатление: бабы в газовых косыночках оказались горластыми, на мой взгляд, невоспитанными, перебивали друг друга, скандалили. Это была визуализация поговорки «простота хуже воровства». Георгий невозмутимо восседал во главе стола, на полном серьезе слушая весь этот бред, а я удивлялась: неужели он ждал конструктивных идей от этого собрания? И «по-английски» удалилась.

У Георгия таки появились новые сотрудницы, и передач прибавилось, – может, в ущерб качеству. Однако идея «народного радио» себя оправдала: нашлись христианки, которые рвались учить жить других.

Георгий и сам запустил авторскую передачу, она называлась «Пороки и пророки».

Он брал какой-нибудь популярный «порок», например, алкоголизм, приводил занимательные факты из истории, сообщал все, что говорит по этому поводу Священное Писание, и завершал нравоучительным выводом. Он был не только автором, но и ведущим. Для того, чтобы его специфический голос звучал внушительнее, он, во-первых, пытался говорить ниже, во-вторых, прогонял его через компьютерную

программу, еще сильнее «опуская» тембр. Возникал образ не очень интеллигентного дядьки с хриплым голосом, однако в целом передача вышла интересной и динамичной. Про такие банальные вещи, как пьянство и разврат, он выискивал в интернете малоизвестные подробности, перемежал песнями в тему, Дориными «блицами», и слушать было не скучно.

К тому же этот человек мастерски владел специфическими радиосекретами – всевозможными шумовыми и звукоизобразительными эффектами – и умел их использовать к месту. Правда, меня немного напрягало чисто протестантское морализаторство, не без этого.

Кстати, мне он тоже предложил делать свою передачу.

Я было уже нашла тему – а именно «Евангелие в лицах», смонтировала пробную передачу, и ее уже даже одобрили «наверху», как вдруг... меня снова приняли на работу в католическую киностудию!

Наконец-то заменили «злого» директора на не то, чтобы «доброе», но единственно возможное, на мой взгляд: это был молодой монах-иезуит брат Дамиан, великолепный профессионал.

Георгий, конечно, жалел, что я уже не смогу заниматься радиопередачей, но искренне порадовался за меня и за торжество справедливости в мире.

Я продолжала забегать в радиостудию в гости, теперь – чтобы поплакаться, как трудно идет работа, и Георгий все так же сочувственно выслушивал меня.

Идею радиопередачи «Евангелие в лицах» я полностью перенесла на телевизионную почву: один за другим рождались сюжеты-свидетельства, иллюстрирующие тот или иной стих из Священного Писания. Съёмочная группа часто ездила в командировки по городам и селам Сибири и России, и везде находились интересные люди, познавшие преследование за веру, потерю близких, чудеса обращения и исцеления. Серия росла.

«А чем не сюжет – сама эта радиостудия? – подумала как-то я. – Все это здорово подходит к стиху «Да будут все едино».

И в один прекрасный день мы с оператором Ильей отправились на радиостудию – снимать «экуменический» сюжет.

...Снаружи обычная панельная пятиэтажка посреди су-гробов, а в квартире на третьем этаже...

Илья поснимал работу девочек за компьютерами, как они озвучивают на разные голоса своих персонажей, сфотографировал веселый экуменический обед, интервью с пастором дружественной церкви, которое брал сам Георгий, сделал крупные планы работающей звукозаписывающей аппаратуры. Позже вмонтируем в сюжет «радиослушателей» у приемников.

Вечером, усадив Георгия в студии звукозаписи, мы осветили его при помощи фонарей – и я стала задавать вопросы.

Цели, задачи, экуменическая идея – все это Георгий тол-

ково и убедительно прокомментировал, цитируя по памяти Священное Писание.

– А как и когда вы сами обратились к Богу?

И тут началось самое интересное...

Оказалось, он был военным моряком, ни больше, ни меньше. Получив высшее военное образование (вот откуда выправка!), работал по специальности. Случайно познакомившись с баптистами, он открыл для себя Библию и стал посещать служения, пока, наконец, не понял, что хочет круто изменить свою жизнь, – например, покинуть армию. Каким-то чудом ему разрешили уволиться без серьезной причины, миновав трибунал. Имея образование связиста, он занялся «радиослужением», – и вот уже несколько лет возглавляет радиостудию.

– Да Вы прямо Апостол Павел – тот тоже вначале был военным, – восхитилась я.

– Приглашаю тебя на собрание, – позвонил мне Георгий. – Мы будем обсуждать идею фильма к столетию баптистов в Новосибирске.

Ох уж эти баптистские собрания... Два раза под благовидным предлогом мне удалось этого избежать, но на третий мой друг все же уговорил меня поприсутствовать.

...Ну и базар!

– Братья и сестры, надо начать так: наш старейший брат заходит в церковь...

– Нет, братья и сестры, надо начать так: наш заслуженный пресвитер в церкви проповедует...

– Нет, надо начать так: дети играют сценку из Евангелия...

– А ты, Леля, почему молчишь? – вдруг спросил меня Георгий. – С чего надо начать?

– Это невозможно сейчас решить, – заявила я.

– Почему это? – возмутились тетки в косынках. – Сначала надо придумать сценарий, а потом по нему снимать.

– Документальное кино так не делается, – возразила я. – Мы, например, не пишем сценариев, – только сценарный план: требуются такие-то и такие съемки, составляется список мероприятий, синхронов, организаций, которые нужно посетить. По нему съемочная группа и работает, а уже на монтаже режиссер будет решать сам, с чего ему лучше начать.

Тетки возмущенно загалдели, и я спешно засобиралась домой.

А через несколько дней на киностудию позвонил Георгий и спросил, за сколько бы наша «Кана» сделала такой фильм. Дамиан выставил «гуманный» ценник, баптисты сразу согласились, и мы приступили.

Не жалею, что я ввязалась в это дело, потому что в целом мне очень понравились баптисты: дружные, активные, пози-

тивные. Я с удивлением узнала, что в нашем городе уже двенадцать баптистских церквей, и продолжают создаваться все новые общины.

Побывав в нескольких церквях, мы не только сняли служения, но даже попали на венчание. Мы объездили реабилитационные центры для бывших наркоманов, где ребята и девушки сообща пытаются избавиться от страшной зависимости. Мы записали истории обращения нескольких людей разных возрастов, посетили многодетные семьи. Посидели также на репетиции знаменитой группы «Весть», набрав картинок на целый музыкальный клип. Я познакомилась со стареньким пастором, который в свое время за веру отбывал срок заключения в Магадане, а сейчас окормляет приход глухонемых.

Правда, их храм мне напомнил клуб, а само служение носило черты торжественного комсомольского собрания, с «монтажом» к Первому мая: один выступил – хор спел, вдохновенные лица в зале, затем другой прочел стихи про Иисуса – хор спел, сыграли на скрипке – и так далее. Меня все время тянуло поаплодировать.

Так или иначе, но съемки получились выразительные и нарядные.

Я изрядно перенервничала со сдачей этого фильма: к назначенному часу в монастырский двор иезуитов въехала туча иномарок, и вся пресвитерская баптистская мафия про-

шествовала в подвал, где располагалась «Кана».

Вся толпа, втиснувшись в мою монтажерку, придирчиво уставилась в монитор. Удрав во двор, я нервно бродила вокруг монастыря все сорок минут. Молодой шофер, тоже баптист из одной из церквей, ходил за мной, без конца повторяя.

– Не понравится им, вот увидишь. Им бы только собраться в кучу да лясы поточить. Они у нас все такие горлопаны, как на подбор.

«Черт тебя принес», – тихонько бурчала я.

На обсуждение я шла по коридору, как на гильотину. Два десятка мужиков в гнетущей тишине высокомерно разглядывали меня, вдруг мелькнуло бледное лицо Георгия и тут же исчезло за чьей-то спиной, – он таки переживал за меня.

Обстановку разрядил Дамиан, в котором «еще не сгинели» остатки польской галантности:

– Прежде, чем высказывать недостатки, давайте поаплодируем нашей даме за ее работу, – и чопорные дядьки, спохватившись, послушно устроили мне овацию.

Следом все пошло, как по маслу: верховный пресвитер, крупный красивый немец, выразил общее удовлетворение моим фильмом, высказав несколько мелких замечаний: тут неплохо бы подрезать, того подписать, у другого исправить должность...

Георгий, теперь уже не таясь, довольно улыбался мне в знак поддержки.

Тем временем брат Дамиан, будучи студентом Высших Курсов Режиссеров и Сценаристов, приступил к дипломному проекту, созданию фильма по нашумевшей во всем мире книге «Прости меня, Наташа».

Автор ее – Сергей Курдаков, выпускник Владивостокской мореходки, как и Георгий, между прочим.

Спрыгнув с корабля в открытое море, он чудом вплавь достиг Канады. Примкнул к протестантам, выбился в популярного проповедника, а в самом расцвете сил и карьеры был найден застреленным из револьвера.

Дамиану захотелось на эту тему пообщаться с Георгием, и я их свела, что называется.

Да, Георгий помнит тот случай, когда один моряк сбежал. Да, у него есть знакомые протестантские журналисты, и он готов дать контакт. Да, у него есть хорошие журналисты, которые могут помочь Дамиану в его расследовании (этот Сергей – наш земляк). Например, Аня, почему бы не дать ей поработать.

Так Аня стала сотрудничать с Дамианом и с американкой по имени Кэролайн, которая тоже параллельно работала над фильмом о Сергее, и с которой Дамиан решил объединить усилия.

– ...Срочно зайди. Есть разговор, – тонкий голос в трубке

звучал сухо и официально.

– Что случилось? – перепугалась я.

– Не по телефону.

– ...Этот твой Дамиан и эта его Кэролайн – шпионы, а ты – наивная дурочка!

Я была в шоке. Оказалось, Георгий нечаянно прочитал не отправленное Анино письмо, адресованное Кэролайн, в котором она обещала в ближайшем будущем сфотографировать для американки железнодорожный вокзал.

«Дался им этот дурацкий вокзал!» – с раздражением думала я, в то время как на меня обрушился негодующий поток сознания Георгия, в котором плавали и «агенты Ватикана», и «американская военщина», и «эти коварные иезуиты», а также «эти сволочи, которые себе на таких вот случаях звезды делают»...

– ...Уж я-то знаю – с ними работал, – кипятился Георгий. – Короче, так: я запретил Ане – под страхом увольнения! – даже разговаривать с этими двумя, – мне лишних проблем не надо.

Напрасно я, сначала сама, потом вместе с Дамианом, пыталась убедить его, что с вокзалом все так вышло не со зла, а по беспечности: отныне вход в радиостудию был закрыт не только для Дамиана, но и для меня. Теперь я могла только прийти в гости лично к Георгию, и только в нерабочее вечернее время, и только после звонка. Если брала трубку Аня, то разговаривала со мной испуганно и поспешно.

Через некоторое время в Новосибирск приехала сама Кэролайн.

Мы отмечали на студии встречу, разрезав большой арбуз, как вдруг неожиданно появились гости – Георгий с Аней. Аня передвигалась на деревянных ногах, как зомби.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.